

Отзыв о выпускной квалификационной работе магистра лингвистики Н.В. Перковой
«Дискурсивные маркеры пояснения в русском языке» д.ф.н. зав. отделом теории
грамматики ИЛИ РАН М.Д. Воейковой

Магистерская диссертация Н.В. Перковой представляет интерес как для исследователей русского языка, так и для специалистов по общему языкознанию. Она посвящена актуальной теме описания одного из разрядов русских дискурсивных маркеров — а именно, дискурсивных маркеров пояснения (далее ДМП), которые в русистике еще не получила должного освещения или рассматриваются в разных разделах грамматики русского языка в соответствии с традиционным порядком описания «по частям речи», предполагающим структурные рамки между описываемыми явлениями.

Практика исследований последних лет показала, что слова и выражения, объединенные общей функцией в языке, в традиционных описаниях оказываются разведены по формальным причинам. Новый, исходно функциональный подход к дискурсивным маркерам определяет **актуальность** исследования, предпринятого Н.В. Перковой. Полученные ею количественные данные, наблюдения и их интерпретация обеспечивают то, что данное исследование содержит значительную новую информацию, то есть обладает как **теоретической**, так и **практической новизной** и значимостью. Работа современна также и благодаря тому, что она основана на материале Национального Корпуса русского языка, что позволяет сделать интересные подсчеты, а иногда прийти и к статистическим наблюдениям. Как показывает итоговая таблица на с. 81, автором с разной степенью точностью принимались во внимание около 100 000 примеров употребления русских ДМП, что составляет наиболее значительную подборку слов этого типа в истории их изучения. Разумеется, весь материал не мог быть обработан вручную, о чем автор и сообщает, однако способы наблюдения (применение образцов рандомизированной выборки) позволяет сделать ряд важных наблюдений. К наиболее интересным положениям работы, на мой взгляд, следует отнести следующие.

Предпринятое исследование позволяет с большой степенью вероятности реконструировать динамику грамматикализации и употребления некоторых ДМП. Это касается в особенности истории употребления маркера *то бишь*. Так, автором отмечено, что «частица *бишь* употребляется уже в 18 веке», например, у Фонвизина, ср. : *Простаков. Как не целовать, дядюшка, твоей ручки. Ты мой отец... (К матери.) Который бишь? Г-жа Простакова. Второй.* [Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)]

А вот связанная конструкция *то бишь* начинает встречаться только в середине 19-го века (у И.С. Тургенева и Д.В. Григоровича) Далее автор замечает «Однако в то же время внимательный анализ примеров показывает, что *то бишь*, в отличие от *то есть*, — синтаксически менее свободная единица: S1 и S2 почти всегда, за редкими исключениями, являются единицами, меньшими, чем клауза или предложение». Это нетривиальное наблюдение далее разворачивается в интересную гипотезу о том, что «даже максимально близкие к *то есть* маркеры *то бишь* и *сиречь* обладают более узкой дистрибуцией как в отношении синтаксических свойств, так и в отношении семантического потенциала ПК с данными маркерами» (с. 81). Конечно, архаичные *то бишь* и *сиречь* несопоставимы с *то есть* ни по семантике, ни по употребительности. Однако автор высказывает гипотезу о том, что широкая употребительность *то есть* связана с обобщенной семантикой глагола *быть*, от которого и образован данный ДМП. Эта гипотеза не получила развернутого подтверждения, однако она представляет значительный интерес (см. далее).

Помимо употребительности и семантического описания маркеров автор обращает внимание также на те единицы, которые ими связываются, различая при этом словосочетания и предложения (которые называются более современными терминами «именная группа» и «клауза»). Так, о слове *сиречь* написано, что «к XX веку ситуация (его употребления — М. В) постепенно меняется, и маркер *сиречь* в основном начинает

употребляться для соединения синтаксически идентичных единиц (например, двух именных или глагольных групп): так, если в XVIII в. конструкции вида "ИГ, *сиречь* ИГ" составляют примерно 37 % от всех конструкций с *сиречь*, то в XX в. – уже 70-80 %». В работе также подробно анализируется место ДМП в составе простого или сложного предложения. Ср. наблюдения на с. 73: «Можно также заметить, что сложные комплексы маркеров, т. е. сочетания с такими единицами, как *или* и *то есть* способны употребляться только в начальной позиции. Вероятно, более простые и идиоматичные по своей форме маркеры в целом чаще имеют большую степень синтаксической свободы (ср. *то есть*, *то бишь*). В каком-то смысле такая трактовка позволяет объяснить четкую синтаксическую закрепленность маркера *a* именно наличием в его структуре союзного по происхождению компонента *a*». Как видно, в работе есть обобщения, которые создают условия для публикации ее отдельных фрагментов.

Отдельной похвалы заслуживает вкус, проявленный автором в подборе иллюстративных примеров. Они сами по себе привлекают внимание и делают чтение работы легким и занимательным.

Интересны наблюдения относительно того, чем определяется свободное или закрепленное положение ДМП. Так, в выводах к работе автор замечает: «Судя по всему, позиция маркера также связана с характером пояснения: если в пояснительной конструкции ДМ устанавливает чистую эквивалентность сегментов или же вводит инференционное пояснение, позиция маркера с большей вероятностью будет свободной». Это хорошее семантическое объяснение, которое можно, вероятно, применять и для других типов скреп.

Конечно, где есть суждения, там возникают и основания для научной полемики. Можно задать автору несколько вопросов.

1) В работе используются методы анализа, предложенные в работах Дель Саз, Фрезера, Архакис, Блейкмор и т.д. Все они написаны на материале английского языка. Вопрос: является ли употребление ДМ идиозмическим явлением и до какой степени можно ли распространять описание ДМ одного языка для анализа ДМ в другом языке?

2) В указанных работах широко применяется метод замены одного маркера другим. На с. 40 автор пишет, ссылаясь на работу Блейкмор: «Вопрос о причинах таких запретов на употребление отдельных единиц в определенных типах контекстов и их связи с семантикой пояснения как особого рода отношений между сегментами дискурса является одним из наиболее важных вопросов, поставленных в данной работе». Пресуппозиция этого высказывания заключается в том, что автор вслед за цитируемой работой ожидает, что ДМП должны быть взаимозаменяемы. Это странно, т.к. очевидно, что у них разное значение. Более того, одновременное существование в языке нескольких равнозначных единиц обычно является кратковременным и скоротечным явлением. Они постепенно специализируются семантически или прагматически и теряют способность замещать друг друга. Вообще, основным упреком автору может быть отмечаемая в работе недооценка семантики описываемых единиц и недоверие к исходно семантическим объяснениям.

Так, описывая на с. 41 общие семантические свойства ДМП, автор ограничивается чисто формальным и тавтологическим определением, отмечая тут же, что «одни из них могут покрывать наиболее широкую семантическую зону выражаемого отношения и употребляться в большем числе контекстов, нежели другие единицы». И далее, во всех случаях, когда Н. В. Перкова анализирует возможность взаимозамены ДМП, она лишь вскользь упоминает о семантике маркеров и соединяемых ими фрагментов, зато пытается всегда найти структурные или прагматические различия (ср., например, анализ примера 65 на с. 48): *Живу я все там же, то есть на Моховой улице, близ Сергиевской, в доме Устинова.* [И. А. Гончаров. Письма (1842-1859)] – Ср. *Живу я все там же, а именно на Моховой улице, близ Сергиевской, в доме Устинова.* С. 48

Автор отмечает, что «замена здесь неравноценная – а именно уточняет, вводит сужение области понятия, в то время как *то есть* вводит, как правило, эквивалент сходного объема». Между тем, *есть* и другие отличия: а именно не предполагает, что собеседнику известно место жительства, в то время как *то есть* безразлично к этому обстоятельству. Семантический анализ приводит нас к особенностям того, что называют в теории коммуникации “theory of mind”, или представление о знаниях собеседника. Это интересная и совсем неразработанная тема.

- 3) Маркеры, происходящие от глаголов речи (типа *то бишь*) могут рассматриваться и как маркеры ренарратива, содержащие ссылку на чужое мнение. В связи с этим, было бы полезно учесть работы М.В. Копотева и подробнее рассмотреть противопоставление исходных глаголов (типа *быть* <-> *говорить*, *баять* и т. д.). Возможно, у них больше сходств, чем различий.
- 4) Нуждается в дополнительных пояснениях различие в частоте употребления между *то есть* и всеми другими ДМП, которое достигает сотен раз (см. таблицу 2 на с. 51 и итоговую таблицу на с. 81). В итоговой таблице 7 следует заменить названия поисковых команд в заголовках столбцов на более общепринятые понятия.

Можно заметить, что высказанные замечания имеют характер научной полемики, для которой работа предоставляет все основания. Иными словами, это завершённое исследование, имеющее научную ценность и потенциал, проведенное с большим знанием дела и научной литературы, содержащее готовый материал для публикации. Таким образом, работа Н.В. Перковой отвечает всем квалификационным требованиям и заслуживает отличной оценки.

Д.ф.н. зав. отделом теории грамматики

Воейкова
М.Д. Воейкова

Подпись *М.Д. Воейковой*
удостоверяю
ст. референт ИЛИ РАН *Сабало*